

„Купецъ Калашниковъ“ у Зимина.

Антонъ Рубинштейнъ, гениальный, никѣмъ еще не превзойденный пианистъ, былъ въ то же время отличнымъ импровизаторомъ.

Даръ же импровизаціи, — немедленно претворять въ реальные звуки свои душевные переживанія, — представляя изъ себя большое удобство для композитора, не можетъ, однако, замѣнить собою необходимой усидчивой работы по заранѣе строго намѣченному плану.

Процессъ импровизаціи исключаетъ всякую возможность необходимой для композитора самокритики, и поэтому горе тому композитору, который непрерывно импровизируетъ во время процесса творчества.

Это горе тяжелымъ бременемъ залегло въ оперныхъ партитурахъ А. Рубинштейна.

Писалъ онъ ихъ съ необычайной легкостью и быстротой; страницы летѣли за страницами и никогда не переворачивались обратно для хотя бы самой невинной самокритики. Онъ писалъ, писалъ... все впередъ, впередъ.... пока не оканчивалась вся начатая опера.

Поэтому-то партитуры А. Рубинштейна побиваютъ все рекорды по массѣ находящейся въ нихъ воды.

Правда, попадаются чудные острова, настоящіе жемчужины творческаго порыва и вдохновенія, но ихъ мало, и разбросаны они далеко другъ отъ друга, раздѣленные необозримыми и переносимыми громадными пространствами горько-соленой воды океана.

И если въ лучшей оперѣ Рубинштейна — «Демонъ» — этой воды сравнительно меньше, то въ «Купцѣ Калашниковѣ» ея цѣлыя моря.

О стилѣ говорить у Рубинштейна въ этой оперѣ не приходится. Онъ блестяще отсутствуетъ, и нигдѣ вы не почувствуете, чтобы композиторъ стремился проикновѣнно пережить и воплотить въ звуки движенія души самого героя. Никогда. Онъ только передаетъ свои личные впечатлѣнія отъ почти совершенно объективнаго чтенія «Пѣсни о купцѣ Калашниковѣ» Лермонтова.

Въ музыкѣ не выражены ни эпоха, ни страна, ни бытовые особенности ни